

Сергей Батурин

Потомственный чекист

*Господь, Господь, Бог
человеколюбивый и милосердый,
долготерпеливый и многомилостивый
и истинный, сохраняющий милость в
тысячи [родов], прощающий вину и
преступление и грех, но не
оставляющий без наказания,
наказывающий вину отцов в детях и
в детях детей до третьего и
четвертого рода.*

Исх. 34:5–7

Часть I

1

Летом в городе сумерки нередко не приносят избавления от жары. Разогретые за день бетон и кирпич домов, асфальт мостовых и тротуаров отдают накопленный за день зной до самого утра, и только к рассвету начинает казаться, что вот-вот наступит облегчение. На самом деле впереди всего несколько часов, когда воздух мало-мальски свеж, дыхание незатруднительно, а движения не вызывают неприятных ощущений. Это утром. А

вечер... На смену бесхитростно палящим изо всех сил солнечным лучам вместо долгожданной прохлады приходит коварный зной, липко окутывающий все тело, пропитывающий одежду потом, изматывающий и невыносимый.

Высокорослый, крепко сложенный человек в модной тенниске, куривший на лавочке в уютном дворике в московском пригороде, лета не любил как раз из-за жары. Он изнывал от этого неприятного ощущения постоянно влажного тела, прилипающей одежды, его раздражали темные влажные полукружья под мышками... И жажда все время мучает летом. Единственное, что хорошо, так это то, что летом люди носят меньше одежды. Это весьма облегчает ему выполнение своего предназначения. Своей миссии. Это дурачье шепчется по всей Москве и по всему Подмоскovie: «Маньяк, убийца». Плебс, чернь, отребье, хамье поганое, что с них взять? Он не маньяк и уж точно не убийца, он — Палач. А палач, как известно, не просто убивает кого попало — он казнит виновных. Очищает мир от разного сброда. Всякие гомосеки, выродки и шлюхи — разве они должны жить?

Началось все в прошлом году. Это какую же наглость нужно было иметь этому педику Ложкину, чтобы самому подойти, познакомиться, восхититься габаритами собеседника и предложить секс. И денег посулил. Немалых — сотню рублей.

Елки-палки, мразь какая. Сам — метр пятьдесят на коньках и в шляпе, худосочный, плюгавый. Причем он не собирался сам трахать, а желал, чтобы именно его оттрахали как следует. Сначала хотелось возмутиться. Даже в рожу этому Ложкину дать, но потом пришло в голову: будет все, как скажешь, и мало тебе не покажется. Стоило лишь дать согласие. А заказчик тут же размечтался: поедем, дескать, в Битцево, там у меня дача, там никто не помешает...

Главное, на людях приличным человеком прикидывался: жена у него, семья, дочка взрослая в роддоме лежит.

Тогда тоже было лето. Июнь. И жара стояла почти такая же. Приехали автобусом в лесопарковую зону, этот-то, Ложкин, вперед по тропинке пошел, не терпелось ему. Как же его звали-то? Не запомнилось, да и черт с ним, значит, так судьбе угодно.

Кто бы мог подумать: отъезжаешь всего несколько остановок от города, и такая благодать! Чисто тебе лес — густой, лиственный, нежаркий... Березы, осины, кустарники, тропка вьется между косогорчиками. Трава зеленая, густая, не то, что в городе — выгорела там вся. Наверное, и грибы, и ягоды есть... Птицы какие-то чирикают, кузнечики стрекочут. Тут и слова другого не придумаешь, именно — благодать. А этот взял да и все испортил:

повернулся, поторапливает — скорее, ему, дескать, еще дочь в конце дня из роддома забирать. Думает, денег пообещал — все, нанял, с потрохами купил любовника. Дурак, палача ты нанял и казнь себе купил.

Большая отвертка неожиданно легко вошла в щедушное тело Ложкина. Тот от неожиданности негромко крикнул, обмяк и кулем завалился на утоптанную землю тропинки. Еще три удара — уже лежащему — были нанесены чисто автоматически. А потом еще и еще — чтобы не оставить жертве ни малейшего шанса. Двухметровому гиганту ничего не стоит оттащить труп худосочного содомита подальше от дороги. Вот и небольшая полянка с огромным, как специально положенным в самом центре, бревном. Минутное дело — раздеть мертвеца и положить голое тело на колоду задницей кверху. Это знак: казнь — наказание за педерастию и предупреждение: если ты занимаешься этим, такое может произойти и с тобой.

От одежды нужно было избавиться, занеся ее подальше в лес, а деньги из кошелька, сто пятнадцать рублей, пришлось забрать — Ложкин-то наперед не расплачивался. Сам кошелек был выброшен в Москву-реку вечером того же дня.

Конечно, возмездие было задумано заранее: неспроста же внушительная отвертка оказалась в

сумке, которую удобно носить на плече. И кара состоялась. Вот только что-то в ритуале расправы было не до конца продуманным, а что именно — не понять. Казалось вот-вот придет осознание, но нет, суть ускользала и ускользала.

Вечером того дня он взял две общие тетради в линейку на девяносто шесть листов. В одной на титульном листе написал через трафарет: «Положи на место! Все люди — б...! Человек человеку — волк. СССР — палата № 6». Потом нарисовал смерть — скелет в балахоне с косой костлявой рукой держит щит. Этот щит будет для него, как фюзеляж самолета для летчика-асса или как приклад винтовки у снайпера: на нем будут отмечены победы. У тех — звездочками и насечками за поверженных врагов, у него — значками в виде гробиков. Пока гробик только один — за Ложкина.

Вторая тетрадка — для творчества. Он же не простой человек. Он напишет роман, и прототипом главного героя будет он сам, карающий всяческих извращенцев и отступников. Это будет крутая фантастика с огнеметами, бластерами, массовыми расстрелами врагов из этих и других видов оружия, выбрасыванием противников без скафандров в открытый космос. Многочисленные неприятели обязательно будут повержены непобедимым офицером космической службы безопасности по

имени Командор, так похожим на автора произведения.

Он открыл вторую тетрадку и на первой странице вывел: «Старфолл. Космическая эпопея».

В это же время в бюро судебно-медицинской экспертизы другой человек писал: «19 июня 198... года в лесу неподалеку от указателя «23-й км» шоссе «Москва — Симферополь» на территории Ленинского района Московской области был убит гражданин Ложкин. С целью лишения жизни ему были причинены отверткой четыре колото-резаные раны на передней и задней поверхности грудной клетки, проникающие в левую плевральную полость с повреждением легкого и сердца; семь колотых ран в области груди; кровоизлияния в правой кивальной мышце, мягких тканях шеи справа, в области языка, в мягких тканях височной области справа, в подключичной области; ссадины на груди, животе и нижних конечностях.

Смерть Ложкина наступила от острой кровопотери, вызванной телесными повреждениями».

Но все равно, ощущение какой-то незавершенности казни у убийцы оставалось. Что-то было не так.

Через две недели он поехал в Подмосковье в район Подольска и на лесной тропинке четырнадцатью ударами той же отвертки казнил

семидесятилетнюю бабу. За что, так и не сформулировал. Просто почувствовал: ее нужно казнить, и все. Брат у старухи было, по большому счету, нечего: сорок пять рублей да пенсионное удостоверение на имя Клавдии Васильевны Вихровой. Опять чувствовалось: что-то не то. Даже уверенность в своей миссии Палача притупилась.

Решимость испытать себя еще раз пришла через полгода, уже зимой, в начале января, и он опять отправился в пригород. Доехав на автобусе по МКАД до остановки «Одиннадцатый километр», он сошел и углубился в лес, надеясь встретить свою жертву. Он брел, утопая в снегу, наугад. Лес колоннадами стволов подпирал серое небо, где-то вдалеке раздраженно каркал ворон и вокруг не было ни души. Сапоги на замках, с голенищами чуть выше щиколоток, совершенно не подходили для таких походов: в них моментально набился снег и растаял, ноги стали мерзнуть. Раздумывая, не повернуть ли назад, мужчина вышел на просеку, и тут прямо на него по снежной целине выкатился на стареньких лыжах юнец, почти подросток. Паренек не ожидал увидеть кого-то в безлюдном лесу, тем более такого здоровяка. «Здравствуйте», — казалось, даже немного заискивающе произнес мальчишка и сконфуженно улыбнулся. «Привет», — миролюбивым голосом сказал мужчина и вдруг одним броском преодолел

разделявшие их несколько метров и вцепился парню в горло. Опешивший лыжник даже не среагировал и не попытался убежать. Слабенький, детский еще кадык неслышно хрустнул под напором здоровенных лап Палача, который держал моментально обмякшее тело практически на весу. И тут он почувствовал такой неодолимый позыв на опорожнение кишечника, что понял: еще немного, и он попросту обгадится. Бросил мертвеца, отбежал в сторону, стащил с себя штаны вместе с трусами и, наваливая огромную (сам же немаленький) кучу, тужился и думал, что вот смог, казнил, значит, годен для поприща Палача. Облегчившись, он начал было надевать брюки, взглянул на жертву и вдруг сообразил, что ему делать дальше...

На следующий день, воодушевленный содеянным, он ближе к вечеру опять поехал на «11-й километр», выбрал в жертвы немолодую женщину, одиноко ожидавшую автобус на остановке, и напал на нее...

— Бери сумку и иди в лес, — сказал он, подойдя сзади и хватая ее за очки.

Она повернулась и тут же получила удар ножом в живот. Клинок пробил пальто, две теплые кофты, нижнее белье, но только порезал кожу. То ли удар был недостаточно сильным, то ли рука дрогнула...

Тетка заорала:

— Возьми! — и кинула в него сумкой. На какой-то миг он опешил и, непонимающе глядя на нее, соображал, что делать, а она с воплями кинулась, размахивая руками, на проезжую часть, по которой неслись, не сбавляя газ, автомобили.

Тут он понял: если ее не сбили сразу, когда она неожиданно выскочила на дорогу, то теперь, скорей всего, уже заметили и не собьют, а она вот-вот привлечет чье-то внимание, кто-то остановится, и раненая женщина укажет на него...

Такой расклад его не устраивал, и он ринулся прочь от бетонной коробки остановки — туда, в спасительную чащу леса.

Битцево, Подольск и остановка автобуса на МКАД, неподалеку от которых были совершены зверские убийства, находились в разных административных районах, и поэтому за их раскрытие взялись разные отделы милиции.

...Майор Струков, которому было поручено расследование преступлений в районе остановки «11-й километр» на Московской кольцевой автомобильной дороге, поднял глаза на вошедшего в кабинет с авоськой старшего лейтенанта Сухинина, со вздохом закрыл папку с делом, которое имело явную перспективу превратиться в «висяк», и положил в выдвижной ящик стола. Другие папки переложил на тумбочку. Затем встал,

подошел к окну и включил стоявший на подоконнике загодя наполненный водой электрочайник в розетку.

Сухинин застелил освобожденный коллегой стол вдруг ставшей модной газетой «Московский комсомолец», быстренько покромсал толстыми, в палец, ломтями докторскую колбасу, нарезал батон кусками такой же толщины, распаковал два плавленых городских сырка, глянул и подумал: «Эх, еще бы пару соленых огурчиков да минералочку, и был бы великолепный эскорт для бутылочки 0,7 доброй водки!» Но об этом оставалось только мечтать: с приходом к власти пятноголового генсека сорокаградусная попала в опалу, а бездумная борьба с ее употреблением сломала не один десяток тысяч судеб, не приведя при этом к победе ни над пьянством, ни над алкоголизмом.

Струков тем временем заварил краснодарский чай в литровой эмалированной кружке и молча курил у окна, тяжело глядя на улицу и пуская дым в форточку.

— Николай, что это ты расквасился? — уловил настроение коллеги старлей.

— Эх и выродок завелся у нас в районе, — покачал головой майор. — Редкостный.

— Это маньяк, что ли? — уточнил Сухинин.

— Он, ублюдок ху...в, — с ненавистью сквозь

зубы процедил Струков. — Ты не представляешь, какой это монстр. Паренька задушил, изнасиловал, после этого воткнул покойнику в задний проход лыжную палку, а на месте преступления навалил гору дерьма, что твой медведь: мол, срал я на вас. Лыжи с собой упер: одну за пятьсот метров выкинул, другую — за восемьсот... На хера, спрашивается? Но самое страшное, что нашел пацана в лесу родной отец.

— Да ты что? — обомлел выдавший виды старший лейтенант. — Не приведи Господи...

— Вот-вот. За день мужик стал седым как лунь...

— И что, никаких зацепок?

— Ну, судя по следам, маньяк должен быть очень высокого роста, где-то метра два, и крепкого сложения, вес никак не меньше ста десяти килограммов.

— Уже что-то, — без особого энтузиазма сказал Сухинин. — А еще ведь и образцы спермы есть...

— Самой распространенной группы крови, — махнул рукой майор. — Еще какой-то мудака бабку на остановке там же, на одиннадцатом километре, порезал...

— Может, тот же самый, — неуверенно предположил старший лейтенант.

— Нет, Иван, вряд ли тот же самый, —

возразил Струков. — Помнишь, что в высшей школе милиции подполковник Погосян на лекции рассказывал? «Маньяки практически никогда не меняют своих пристрастий». А тут — подросток и старуха... Если он педофил, за каким чертом ему на нее нападать? И еще: уж очень на грабеж похоже. Бабка говорила, он орал: «Сумку давай!»

— Она его видела? Приметы запомнила?

— Запомнила, а как же... Говорит: «Рожа страшная, глазища злющие, голос противный, сам здоровенный». Фоторобот составить не может. Да, этот-то, гопник — хрен с ним, а вот маньяк меня беспокоит: чувствую, натворит он дел...

— Знаешь, Никола-угодник, давай будем есть, что ли, а то и чай остынет... — предложил Иван. — Я с утра не жрамши, без обеда, а у приличных людей уже ужин начинается...

— Слушай, а шеф на месте? — неожиданно спросил Николай.

— Да нет, как раз уезжал, когда я с колбасой в отдел заходил, — не понял хода мысли товарища Сухинин.

— А Гадов?

Гадовым весь личный состав райотдела поголовно за глаза называл парторга, картавого майора Радова, за исключительно сволочной характер и патологическую тягу к доносительству.

— Он же в отпуске, — успокоил товарища

Иван. — А что?

Кроме начальника и главного партийца бояться было вроде бы некого.

— А то, — сказал Струков, закрыл на два оборота ключа замок в двери кабинета, достал из сейфа бутылку из-под напитка «Буратино» с первоклассной ханкой, реквизированной перед новогодними праздниками у местной самогонщицы. Они выпили одним махом по сто пятьдесят и взялись за трапезу; потом, под бутеры, приняли еще по соточке, сразу убрали пустую бутылку от греха подальше в портфель (никак не забудешь вынести из отдела), тут же налили в стаканы крепкого чаю, чтобы нельзя было вынюхать, что из них пили только что. Друзья и раньше никогда не употребляли спиртного в рабочее время, но с началом горбачевского правления моментально привыкли шифроваться и в нерабочее и даже не ощущали никакого душевного дискомфорта от немалого, в общем-то, унижения.

Ни Струков, ни Сухинин не знали, что в соседнем районе, тоже примыкавшем к Московской кольцевой дороге, их коллеги уже полгода безуспешно бьются над нераскрытым преступлением, и дело о зверском убийстве парикмахера Ложкина из «висяка» неуклонно превращается в «глухарь».

А возомнивший себя Палачом маньяк в это

время удовлетворенно изучал заметку в местной газете: «ПРОПАЛ МАЛЬЧИК. 2 января 198... года в 14 часов 45 минут ушел на лыжную прогулку по просеке, ведущей от города Мытищи к Кольцевой автодороге в направлении микрорайона Гольяново Москвы 16-летний Виталий...»

«Микрорайона Москвы Гольяново», — со злорадством мысленно поправил газетчиков он. Потом подумал: «Ага, значит, мальчишку звали Виталием...»

Еще он понял, что Виталия уже хватились, но не знал, что его уже нашли и принялись за поиски убийцы.

С тех пор на щите, который держала нарисованная в его дневнике смерть, добавились новые гробики, и немало, а его не то что не поймали, даже на след не вышли. Этот факт лишний раз укреплял его уверенность в своей исключительности.

Гигант докурил сигарету, выщелкнул окурок в сторону урны, не попал и разочарованно хмыкнул, потянулся, аж суставы хрустнули, и лениво побрел домой — спать. Он чувствовал: еще не сегодня, но вот-вот, завтра-послезавтра это опять накатит и тогда он снова выйдет на охоту, чтобы совершить казнь.

Володю всегда любили друзья и знакомые. Сначала в Виннице, потом в Черкассах и, наконец, Киеве — везде, куда забрасывала его судьба сына служилого человека. В школе, в институте и потом на заводе. Киевские одноклассники даже называли всеобщим любимцем.

И то: росту в нем было два метра, сложен спортивно: длинноног и широкоплеч. Шевелюра темная, густая, ухоженная. И одевался, как говорится, с иголочки: отец, полковник КГБ, к спецраспределителям доступ имел и к спецателье. На гитаре Вовчик играл если не лучше всех, то, во всяком случае, очень прилично. И деньжата у него, парня из весьма обеспеченной семьи, водились, а жадным он сроду не был. Понятное дело, при таких данных от девчонок отбоя у него не было. Нельзя сказать, что уж совсем он отказа у барышень не знал и осечек у него не случалось, но это были досадные единичные случаи, к тому же — в малозначительных флиртах. Единственное настоящее фиаско на любовном фронте он потерпел с одноклассницей Миленой Сторожук, на которую Владимир запал в первый же день обучения в киевской школе. Милка считалась первой красавицей не только в 9-Б классе и во всей школе, но и в микрорайоне, или, как до сих пор говорят в

Киеве, на районе, имея в виду именно микрорайон, — от Кловского спуска до бульвара Леси Украинки немного нашлось бы красавиц, способных соперничать с ней. Высокие, стройные, привлекательные — Владимир с Миленой были бы очень яркой, заметной парой. В школьные и в институтские годы они предприняли несколько попыток завязать серьезные отношения, да ни разу не получилось: то ли звезды неблагоприятно располагались на небе, то ли вовсе не судьба.

Тяжко пережив крушение юношеских надежд, Володя кое-как зализал раны и зажил нормальной жизнью: занимался в институте, ходил в закрытую секцию рукопашного боя вместе с отцовскими подчиненными, играл на гитаре в ансамбле, встречался с девушками, пуская их в свою постель, но не в душу.

В первый раз жениться заставил его отец. Никакой любви у них с Томой не было. Одно только взаимное сексуальное влечение. Вовка и его однокурсница после институтских занятий просто-напросто трахались, регулярно и в охотку, и получалось у них это выше всяческих похвал. Однажды за этим занятием и застала парочку не вовремя вернувшаяся с работы мать. Вечером пришел отец, был немедленно уведомлен супругой о происшествии, и родители завели на два голоса: да ты негодяй, да как ты посмел, да это разврат, да

ты обесчестил девушку... «Откуда им знать: я «обесчестил» или до меня уже так было?» — крутилось в голове у Володи. Говорили ли они все это оттого, что действительно так считали, или же потому, что так, по их понятиям, следовало говорить в этой ситуации, осталось неразрешимой загадкой до сих пор. Как бы то ни было, но он стоял перед ними, как школьник, разбивший мячом стекло в кабинете завуча, а они вычитывали — мама не горюй! — вроде как на партсобрании, право слово!

— И давно вы этим занимаетесь? — не унималась мать.

В конце концов, двое взрослых людей по обоюдному желанию с удовольствием делали то, что советскими законами как будто бы запрещено не было... Он не выдержал:

— Мы совершеннолетние, и все это происходит у нас по согласию. Чего вы от меня хотите?

— Как честный человек ты должен жениться, — с каменным лицом выдал отец стальным голосом.

— Папа, я ее не люблю, — возразил юноша.

— Значит, заниматься половыми сношениями, — старомодно назвал секс глава семьи, — с девушкой ты хочешь, а как жениться — ты ее не любишь?

— Да и она меня не любит, это у нас просто дань природе. Мы же взрослые люди! — попытался отстоять свою позицию сын. — У нас есть в этом потребность, и она естественная...

— Ишь ты, не любит, — включилась в разговор мать. — Много ты знаешь о любви! Да если девушка позволяет тебе делать такое, то она любит!

В голосе матери звучало неподдельное убеждение: в ее времена и в ее кругу именно так чаще всего и бывало.

— Слушай, что мать говорит! — властно и несколько раздраженно велел отец. — И вот еще что: ты разве не понимаешь, в каком доме мы живем?

Дом действительно был непростым — одним из трех или четырех, построенных управлением делами ЦК КПУ в междуречье улиц Суворова и Лейпцигской и заселенных ответственными партийными работниками весьма высокого ранга. Конечно, тут и взаимоотношения у жильцов специфические, и внимание к ним особенное... Семья не так давно переехала сюда из ведомственного дома комитета госбезопасности на улице Чекистов. Здесь и квартира была куда лучше: четыре отдельные комнаты приличных размеров, два санузла, две большие лоджии. Просторная светлая кухня чего стоила! И ведомственная

принадлежность строения тоже, наверное, являлась плюсом. Жить в доме, полном твоих сотрудников, — мало радости, а если все они к тому же — чекисты, и при этом вовсе не факт, что все, как один, к тебе доброжелательны...

— Дом как дом, обычный, — покривил душой Владимир. На самом деле за годы странствий семьи по разным городам навидался он всяких жилищ и не мог не понимать преимуществ теперешнего.

— Тут живут люди, которые состоят в высоком партийном руководстве! — веско сказал отец. — Этот дом под особой защитой; те, кому положено, наверняка уже заметили, что ты сюда посторонних девушек водишь, и сделали выводы.

— Во-первых, девушек я сюда не водил, только одну, а во-вторых, если бы заметили, ты бы давно уже узнал от них, а не сегодня от матери...

Правота Владимира была настолько очевидной, что даже полковник не нашелся, как сразу ответить, но тут подключилась мать:

— Как ты с отцом разговариваешь, негодяй? И не стыдно... Николай, скажи ему...

Муж как раз обдумывал, как это сын, да еще с барышней, проскальзывал в подъезд незамеченным. Сговор с охраной исключался — ведь тогда Владимир был бы предупрежден и мать не застала бы его на горячем...

— Мне стыдно, — решив не дожидаться

отцовской реакции, солгал Володя. — Только я не могу понять, чего вы от меня хотите...

— Ты будешь жениться на девушке, которую сам же опозорил? — побагровел, наливаясь гневом, глава семейства. Отец Николай Фомич был с детства непререкаемым авторитетом для Володи и единственной личностью, психологическому давлению которой сын так и не научился противостоять. Кроме того, мать всю жизнь твердила: «Папа будет расстроен, если узнает, что ты не ел кашу», «Папа будет разочарован, что у тебя четверка по контрольной», «Ты не должен подводить папу»... Она внушала, и ей это удалось: страх не оправдать надежд отца навязчивой фобией преследовал Владимира, часто принуждая поступать вопреки собственной натуре. Вот и сейчас полковник настаивал и был недоволен.

— Да я что, разве отказывался на ней жениться? — сдался сын.

Полковник, ожидавший упорного сопротивления, был обескуражен таким поворотом событий и тяжело засопел, гася клокотавший в нем вулкан, а мать удовлетворенно сказала:

— Ну вот, так бы и раньше...

— А раньше вы не спрашивали, согласен ли я на ней жениться, вы совсем другим интересовались, — не удержался парень, а сам подумал, что второй Милены все равно не сыщешь,

а Томка — классная девчонка: красивая, фигура неплохая, неглупая. В конце концов, в постели идеально подходит...

— Вы бы прежде, чем заставлять жениться, удостоверились, годится ли ее объективка для нашей семьи. А то мы проверенные-перепроверенные, а вдруг у нее кто на оккупированной территории или, не дай Бог, в плену был? — небрежно бросил он родителям и ушел из кухни, где происходил разговор, курить в лоджию. На самом деле ее родословная не должна была содержать подводных камней: отец был каким-то секретным конструктором на «почтовом ящике», куда без спецпроверки и работать-то не попадали.

Мать последняя реплика Володи обескуражила, а Николай Фомич решил: «В правильном русле мыслит», — и спросил у жены фамилию Тома. Относительно сегодняшней ситуации для полковника существовало одно, убеждениями сцементированное мнение: раз тебя угораздило быть членом семьи высокопоставленного сотрудника КГБ — будь добр, веди себя соответственно, высказывайся и поступай подобающим образом.

...Свадебным подарком от родителей стала уютная однокомнатная квартирка в новом доме, и не в микрорайоне у черта на куличках, а на старой

обжитой площади недалеко от центра.

Страстный секс, объединявший пару, в условиях легальности и дозволенности стал понемногу терять свою остроту и привлекательность; пылкость — остывать, а ничего другого для объединения в настоящую семью — ни чувств, ни сходных интересов — у молодоженов не оказалось.

Через полгода они с Томой тихо и мирно разошлись: детьми не обзавелись, а на жилплощадь бывшая супруга не претендовала.

Результатом неудачного брака стала удаленная от родителей холостяцкая территория в доме, где в соседях не имелось ни высших партийных функционеров, ни офицеров КГБ и где всем было абсолютно фиолетово, кого приведет к себе после работы только что окончивший институт инженер.

3

Получить распределение после технического вуза на крупный оборонный завод вообще-то считалось невероятной удачей. Тут к стандартным инженерским ста тридцати плюсовалась премия за выполнение плана, который на таких предприятиях выполнялся всегда, а еще — прогрессивка и куча разных доплат с прибавкой за выслугу

включительно. Уже по первому году выходило не так, как в каком-нибудь НИИ, — сто тридцать в месяц «грязными», а полновесных двести сорок целковых на руки.

Вдобавок такие организации имели общежития, строили дома для своих сотрудников и содержали по несколько баз отдыха где-нибудь в пригороде, на Днепре, Десне или Козынке, а нередко еще одну-две на море.

Перспектива пройти все ступени решения жилищного вопроса (общага — гостинка — квартира) лет за пятнадцать на оборонном предприятии представлялась весьма реальной. Опять же: все приличные «ящики» имели свои спортклубы: тренируйся в прекрасных условиях хоть до пенсии, никто тебе слова не скажет.

Единственным неудобством в смысле карьерных перспектив была огромная численность сотрудников: поди выбейся! Таких, как ты, инженеров вокруг, — грамотных, способных, расчетливых, — пруд пруди. Можно всю жизнь быть на хорошем счету, иметь высокие показатели, да так из рядовых и не вырваться, уйти на пенсию с должности, на которую и пришел когда-то, — какого-нибудь ведущего инженера, например. Такое Володе, честолюбивому и привыкшему к спортивным победам, вовсе не улыбалось. Единственная дорога, понял он, — через комсомол.

Сказать, что в первой половине восьмидесятых молодежь горела желанием заниматься общественной работой, означает погрешить против истины. В добровольную дружину еще записывались, на дежурства ходили, потому что за это полагались по закону дополнительные дни к отпуску.

Ну творческие личности, не прорвавшиеся на большую эстраду или в театральные институты и вынужденные стать производственниками, в кружках самодеятельности утоляли жажду самореализации. Группка графоманов сплотилась в литобъединение при заводской библиотеке. Но, если честно, несостоявшиеся мастера искусств в счет идти не могли — они получали больше, чем отдавали: их выступления на праздничных концертах смотрел весь завод, а поэтические опусы печатала многотиражка, на предприятии их узнавали в лицо и даже любили, хотя в подавляющем большинстве ни мастерством, ни талантом они не блистали. Это совсем не то, что в стенгазете «Комсомольский прожектор» критиковать бракоделов и разгильдяев... Те всегда в обиде, а тебе — ни славы, ни выгоды.

А обычные юноши и девушки уже и в комсомол вступали неохотно: что он мне дает, этот ваш комсомол? Поэтому активистами становились либо романтики-идеалисты из соображений

энтузиазма, либо, что случалось куда чаще, прагматики, делающие дальний прицел на карьеру.

Двухметровому спортсмену с задатками лидера, к тому же неплохо умевшему играть на гитаре и не боявшемуся выступать с трибуны, в комитете комсомола Киевского производственного объединения оптико-электронного машиностроения обрадовались: этот парень организует хоть самодеятельность, хоть спортивные соревнования, а если надо, то выступит и в КВН, и на конференции. А устроенный им концерт в честь посвящения в первокурсники новичков в заводском ПТУ прошел с таким успехом, что даже в многотиражке похвалили. В парткоме парня заметили и решили продвигать, а комсомольский секретарь стал к нему присматриваться: сам-то давно метил в райком, и его туда, в принципе, согласились взять при условии, что будет предъявлена крепкая замена. Владимир на роль нового комсомольского вождя заводской молодежи по всем параметрам годился. Кроме одного. В те времена для продвижения по карьерной лестнице требовалось быть членом КПСС. Студентов в партию не принимали почти никогда, инженеров — нечасто, потому как для города существовал четкий норматив: из четырех принятых трое должны быть рабочими, а они-то как раз становиться партийцами не особо стремились. Но комсомольский секретарь объединения был не

лыком шит: он записал Владимира в первоочередной резерв на свою должность, и вопрос решился сам собой — резервиста тут же без проволочек приняли в кандидаты в члены партии.

Комсомольский вождь довольно потирал руки, уже воображая себя хозяином кабинета секретаря райкома, но тут его неожиданно пригласил начальник «первого отдела». Такие подразделения тогда были на каждом более или менее крупном производстве. Считалось, что они обеспечивают режим секретности: страна-то почти вся работала на оборону, но на самом деле функции были значительно шире: представительства Комитета госбезопасности в оборонном секторе промышленности, никак не меньше. Очень часто такие отделы возглавляли нестарые комитетские отставники, переведенные в активный резерв.

Ясное дело, от явки в случае таких приглашений отвертеться было невозможно, хотя ходить туда, хоть званым, хоть незваным, страстного желания простой народ не испытывал. Но комсоргу куда было деваться?

Располагалась эта служба в заводууправлении, в кабинете за обитой черным дерматином дверью, украшенной стандартной — золотистый шрифт на красном стекле — табличкой: «Начальник отдела режима». Все остальные внутренние двери в здании, даже дверь в приемную генерального

директора, были обклеены лакированным деревянным шпоном, и это отличие любому сразу же бросалось в глаза. А вот внутренним убранством кабинет не отличался от собратьев: приличных размеров двухтумбовый стол начальника отдела, к нему ножкой буквы «Г» приставлен другой — без тумб, но подлиннее, возле него — стульев с десятков. Два шкафа конторских — ничего особенного, такие же и в комитете комсомола, разве что в этих стекла матовые. А на стенке за спиной у хозяина кабинета — портрет, да не Михал Сергеича с замалеванным родимым пятном, а человека серьезного — председателя КГБ СССР Виктора Михайловича Чебрецова. Смотрит из рамки главный чекист пронзительным взглядом — не по себе становится, словно портрет может видеть человека насквозь.

На столе — недавно вошедшее в моду запустение: прибор для писчих принадлежностей, перекидной календарь и бронзовый бюстик Дзержинского. И все: ни бумаг, ни документов. На тумбочке возле стола — два телефона: городской и внутренний.

Секретарь вошел и увидел: тот, к кому вызвали, сидит, книжицу листает, кто в курсе — сразу узнает: справочник заводской АТС. Хозяин кабинета поздоровался кивком, жестом указал на стул: присаживайся, дескать.

Неприятно удивленный (раньше они здоровались за руку), вожак молодежи сел и стал терпеливо ждать.

— А скажи-ка мне, Степан Николаевич... — начальник первого отдела, крупный мужчина с залысинами, в очках с золотистой оправой, начал фразу и вдруг замолк, буравя главного комсомольца предприятия бесстрастным взглядом серых холодных глаз. Тому было явно неуютно: он ерзал на казенном стуле и лихорадочно соображал, что же от него понадобилось этому неприятному пронизательному типу. Неужели что-то пронюхал? Или, того хуже, донесли...

Но что, что же он может знать? Что выписали материальную помощь на парня из пятого цеха, а деньги пустили на поляну после отчетно-перевыборной конференции? Ну и что, там же парторг был, выпивал со всеми, тосты про трудовую смену говорил... Да и парня не обидели, через бюро молодежного туризма «Спутник» льготную путевочку по Золотому кольцу организовали — век бы сам доставал, а все равно не сподобился бы. Нет, не то...

Фотоаппарат по благу секретарю горкома комсомола помог приобрести — так там все законно: по заявлению, за деньги и через кассу. А на заявлении, знаете ли, генеральный собственноручно резолюцию начертал:

«Отпустить», — а он, извините, член ЦК Компартии Украины. Опять не то.

Неужели про Янку кто-то стукнул? Там как будто бы все свои были, проверенные... Не по его вроде бы чекистскому профилю, но если прищѐт аморалку — не отмоешься...

Аморалка — такая пакостная штука: шалят почти все, да попадаютя немногие, но вот если кто вляпался, тех лупят нещадно. Пару лет назад на советско-германском молодежном фестивале случай был. Немцев тогда приехало — видимо-невидимо, делегации — из всех пятнадцати округов ГДР. Шестнадцатая — из Берлина. Программа — насыщенной не бывает: концерты, экскурсии, поездки в трудовые коллективы и вечера отдыха. Массовки нагнали видимо-невидимо: студентов, служащих, даже работяг каких-то. Скандируют: «Комсомол, эх, дает!», а в президиумах слышится, как в сценариях прописано: «Комсомол — FDJ!» Сами эфдейотовцы — все в красивых синих сорочках — то ли юнгштурмовки, то ли батники с погончиками. Один день был отведен для выездов в райцентры Киевской области. «Икарус» с делегацией не то из Котбуса, не то из Карл-Маркс-Штадта вырулил из столицы и погнал по шоссе на север, а уже через час пятнадцать заехал на центральную площадь старого

городка, где с караваем, духовым оркестром и согнанной из обеих школ и единственного техникума массовой нетерпеливо ожидало местное комсомольское начальство. Руководитель немецкой делегации, секретарь окружкома свободной немецкой молодежи политический Хайке Кромберг, крупная светловолосая молодая женщина с голубыми глазами и решительными манерами, не обращая внимания на сопровождающего от ЦК ВЛКСМ, который весь фестиваль ездил с группой и проявил себя стеснительным и нерешительным, из двери автобуса оценила ситуацию и командовала группе выходить и следовать за ней в направлении каравая.

В белой рубашке, черном пиджаке и бордовом галстуке, первый секретарь тамошнего райкома комсомола Станислав Иванович Куцеконь сразу сообразил, кто у немцев главный, отнял рушник с пышной белой ковригой, увенчанной солонкой, у измученного часовым стоянием с огромным хлебом в руках активиста и под рев оркестра, исполнявшего почему-то «Амурские волны», ринулся к Хайке. Она уже знала, что следует делать: отломил горбушку, окунула ее краешек в соль, попробовала, приняла дар вместе с рушником, тут же отдала его помощнику, освободившимися руками крепко обняла симпатичного встречающего и, смачно троекратно расцеловав, громко сказала:

«Гутен таг, либер геноссе!», а потом повторила по-русски: «Здравствуй, дорогой товарищ!» Тут оркестр закончил музыкальную фразу и смолк. Ошеломленный «либер геноссе», очумевший от поцелуев и ароматов заграничных духов, вдруг обнаружил, что все заранее приготовленные приветственные фразы на немецком языке из головы испарились, поэтому он просто сказал: «Добро пожаловать!» — и вопреки сценарию дал отмашку дирижеру. Тот не растерялся — духовая медь рявкнула туш.

На весь официоз — на митинг с гимнами, на экскурсии в местный краеведческий музей и техникум — хватило двух с половиной часов, а потом немецкая делегация и местные активисты отправились на берег живописной речки Тетерев, где с утра дымились полевые кухни, были поставлены столы, а хозяйственные комсомолки их накрывали, не испытывая недостатка в продуктах, выделенных председателями передовых колхозов в качестве шефской помощи райкому для проведения международного мероприятия. Со спиртным было решено просто: закупили по двадцать бутылок водки и сухого вина, а в качестве стратегического запаса — народищу-то уйма: немцев человек сорок, да наших десятка два — был зарезервирован сорокалитровый бидон самогонки наилучшей очистки и повышенной градусности.

Само собой получилось, что Хайке и Станислав — руководители — оказались за столом рядом.

— Водка? — выпив первую же рюмку за провозглашенную тостом интернациональную дружбу, разочарованно спросила неплохо знавшая по-русски Хайке. «Не угодил», — понял Станислав и предложил:

— Может, вина?

— Можно и вина, — безразлично согласилась дама.

— А чего бы вы хотели? — проявил галантность кавалер.

— Мой дед бывал в этих краях. Ну вы понимаете, когда, — добавила она. Уточнять не стала, все и так поняли: во время войны, но она хотела сказать не об этом. — Так он до сих пор считает, что нет напитка лучше здешнего самогона.

— Это мы мигом, — заверил Станислав. — Ты слышал, чего гостья хочет, — подмигнул он сидящему по левую руку заведующему организационным отделом. А тот, казалось, только и ждал команды: раз-два, и на столах появился новый вид горячительного.

Гостья напиток одобрила, с каждым тостом выпивала по целой рюмке, каждый раз до дна, не сачкуя, но никаких внешних признаков воздействия на нее самогона не наблюдалось, разве что кожа

лица чуток порозовела. Станислав Иванович сначала попытался не отставать, изо всех сил показывая, что советский комсомолец ни в чем не уступает немецкой комсомолке, но вскоре понял, что, при всей его привычности к местному продукту, он Хайке не ровня и тягаться с ней ему не под силу, а нужно теперь употреблять умеренно. При этом он не учел ни количества уже им выпитого, ни бессонной ночи, отягощенной нервотрепкой последних приготовлений, — по-хорошему ему следовало просто остановиться.

Как оказалось, домашняя водочка на товарища секретаря окружкома FDJ все-таки действовала: она стала все чаще прижиматься к Станиславу бедром, а то и бюстом, а он, опьянев, ослабил над собой контроль и млея от внимания красивой иностранки. А тут еще и тосты пошли такие — попробуй не выпить за руководителя КПСС товарища Андропова, за верного ленинца товарища Хонеккера...

Потом запели про юного барабанщика и секретарь райкома себя на время потерял. Сколько он тогда пробыл в астрале и что в это время делало его тело, он так никогда и не вспомнил, но обнаружил себя в кустах метрах в ста от места основной дислокации. Его пиджак лежал на траве, на нем — товарищ Хайке без трусов с задранной до пуза юбкой, а сверху — он сам, с приспущенными

штанами, яростно пропагандирующий на практике немецкой комсомолке принципы интернациональной дружбы...

Когда они вернулись, веселье шло своим слабоуправляемым чередом и их отсутствия, казалось, не заметили. Никто ничего не сказал ни на следующий день, ни через два дня. И товарищ Куцеконь решил, что пронесло. Но стоило отгреть фестивалю, стоило унестись поезду с немецкой делегацией на Запад — не прошло и недели, как его вызвал в райком партии первый секретарь и предложил тихонько уйти по собственному желанию. «Но я...» — попробовал что-то сказать Стас.

— Ты опозорил комсомол и нашу страну в глазах немецких товарищей, — обвинил его партиец. — И обидел немецкую девушку.

— Вот уж кто-кто, а она точно не в обиде, — осознал крах комсомольской карьеры парень. — Вот уж она-то наверняка не жаловалась!

— Если бы еще и она пожаловалась, — веско заявил старший товарищ, — мы бы тебя — на парткомиссию да из партии вон, с работы бы сняли и под суд отдали! А так, с учетом старых заслуг, иди-ка ты на все четыре стороны подобру-поздорову, пока строгач с занесением не вlepили.

— И куда же мне идти? — растерялся

молодой.

— Ну вон хоть и в районную газету завотделом сельского хозяйства, — озвучил давно просчитанный вариант коммунист. Его и самого удручала неловкость ситуации, но замять дело он боялся, потому что сигнал поступил из районного КГБ.

Перейдя на работу в редакцию, Стас вскоре получил письмо из ГДР в конверте с явными следами повторного заклеивания. Хайке писала, что любит, что обдумала его предложение и согласна выйти за него замуж. Когда он ей это предложил, новоиспеченный журналист не помнил. Но не сама же она это придумала... «Эх, приди письмо дня на три раньше... — с горечью подумал Стас. — С таким-то письмом никакая парткомиссия не страшна. А любовь у нас. Интернациональная. Пожениться хотим. Вот и письмо от невесты — не желаете почитать? У нас от партии секретов нету!» Он не догадывался, что послание это как раз три дня пролежало там, где его вторично неудачно заклеили и откуда был сигнал. «Ну и ладно, — решил вдруг он. — Женюсь на Хайке и уеду жить в Германию, и плевать, что Восточная...»

Вскоре выяснилось, что на том банкете на берегу речки Тетерев не все залили шары до беспамятства. Вот, например, сопровождавший немецкую делегацию товарищ из ЦК комсомола

вообще не пил. Он сразу уловил связь между длительным уединением парочки и поспешным увольнением с должности первого секретаря райкома тов. Куцеконя, тем более что до сих пор не выяснено, не сам ли он «куда следует» и стукнул, не успели они вылезти из кустов. Обета молчания наш трезвенник не давал, и вскоре эту историю в ее комической неприглядной версии знали все комсомольские функционеры Киева. При этом все сходились во мнении, что Стас легко отделался.

Вот этого-то — разоблаченной аморалки — как огня и боялся комсомольский секретарь Киевского производственного объединения оптико-электронного машиностроения Степан Николаевич Пеньтюк. Потому что у самого рыльце было в пушку.

Это случилось на нынешние майские праздники. Выпало сразу три выходных и комитет комсомола организовал субботник для своего актива на базе отдыха объединения в поселке Осокорки на Днепре. Еще недавно это было близкое предместье, а теперь и вовсе — городская черта. Две остановки всего на пригородном катере. А там от причала до базы — пять минут спокойной ходьбы. Но решено было с водным транспортом не связываться, а взять заводской автобус.

До опубликования знаменитого горбачевского

антиалкогольного указа оставалась еще неделя — он появился сразу после празднования 40-летия Победы. Нужно ли объяснять, что, поработав, сели обедать со спиртным и у Днепра повторился сценарий знаменитой пьянки над Тетеревом, с той лишь разницей, что уединялись парочки не в кустах, а в фанерных домиках, Янка была не немкой, а табельщицей в оптико-механическом цеху, а Степан, в отличие от Стаса, был женат.

Но, к счастью, главного заводского чекиста интересовало сегодня не это:

— А скажи-ка мне, Степан Николаевич, — с расстановкой спросил начальник «первого отдела» — что ты думаешь о своем комсомольце инженерере Владимире Мудром?

Комсорг вспомнил, как Володя отговорил их праздновать в день смерти Черненко именины заведующей сектором учета комитета комсомола объединения Людки Малышевой, чем фактически уберег его, Степанову, репутацию и, возможно, даже карьеру. Поэтому он уверенно сказал:

— Проверенный и надежный товарищ.

— Хорошо, что наши мнения совпадают, — улыбнулся чекист. — Мы хотим рекомендовать его для работы в Комитете государственной безопасности.

Это заявление означало крах всех Степановых надежд на скорый переход в райком, но он сумел

совладать с эмоциями и, не меняясь в лице, сказал:

— Мы дадим ему необходимые рекомендации.

Начальник отдела, который по традиции именовался «первым», утром следующего же дня пригласил молодого инженера Владимира Мудрого к себе в кабинет и, как большую тайну, сообщил:

— Есть мнение, Владимир Николаевич, что следует рекомендовать вас на работу в Комитет государственной безопасности.

В тот же день Володя зашел к родителям и сообщил отцу:

— Мне предлагают перейти на работу в КГБ.

Тот исподлобья молча в упор уставился на сына, долго изучал его пронзительным взглядом, а потом негромко спросил:

— Ты хорошо подумал?

— Конечно, — заверил продолжатель фамилии.

— И что?

— Решил, что пойду. Так сказать, по твоим стопам. Я же потомственный чекист!

— А. Ну да. Тогда иди, — глухим бесцветным голосом дал добро отец. Полковник Мудрый служил правильно: его жена и дети не имели точного представления о том, чем он занимается в конторе и каковы реальные функции этой организации.

Короткий брак с Томой не оставил ни следа в душе, ни каких-либо привычек, вот разве что пробудил в молодом сильном теле потребность регулярного секса.

Владимир как-то перебивался периодическими мимолетными связями, не помышляя о браке: это я, дескать, уже пробовал, ничего хорошего. Нет, чего-то настоящего и серьезного ему, конечно же, хотелось, да вот с кем оно могло происходить, не с этими же легкомысленными доступными девицами, у которых одни гулянки на уме? А уж о девчонках своего круга лучше вообще не вспоминать: такое из себя корчат... Как будто это не она вхожа в лучшие дома столицы республики благодаря папиному высокому положению, а это он, отец, занимает руководящую должность именно потому, что у него дочка такая принцесса.

Все-таки пару нужно искать среди приблизительно равных. Жениться же на девушке совсем не из своего круга, пусть даже она красива и человек хороший — так вот же, было ведь уже, это же Тома, это мы уже проходили. Ни интересов общих, ни знакомых, ни взглядов на жизнь...

Кандидатуры достойной не находилось, чтобы и как женщина нравилась и, что не менее важно,

как человек. Он решил не парить мозги — будь что будет, тем более что на горизонте замаячил переход в Комитет государственной безопасности и началась стажировка в «первом отделе» родного завода. И тут в его жизнь ворвалась Любаша — красивая девушка с волнистыми каштановыми волосами и небольшой крепкой, вызывающе торчащей грудью. Она-то, казалось, подходила по всем параметрам: дед — боевой заслуженный генерал, не так давно вышедший в отставку полководец минувшей войны, чье имя до сих пор произносится с пиететом, мать — кандидат наук, доцент в столичном университете, пятикомнатная квартира на Старом Печерске, госдача в пожизненном дедовом пользовании. Одетая с иголочки — либо из того же распределителя, что и сам Володька, либо из закровов Военторга, практически не уступавших в изобилии этим самым распределителям.

На контакт пошла легко, и при этом не кокетничала, не старалась очаровать или показаться лучше, чем есть на самом деле, общалась легко и непринужденно. Ему нравилось в ней все: модуляции голоса, его тембр, походка, фигура, парфюм, стиль одежды, манера накладывать макияж...

Познакомились они на одной вечеринке, пару раз встретились в городе: то в кафе ходили, а то —

что за притча — в музей украинского искусства. Там Владимир, не Бог весть какой ценитель живописи, был совершенно околдован работами одного художника начала века и запомнил его имя — Александр Мурашко — на всю жизнь.

Дала она тоже без лишнего выпендрежа, легко и радостно, но — как дала! Вовка пришел тогда к Любаше домой в субботу. Она была одна в огромной квартире: героический дедушка еще в пятницу вечером вывез свою генеральшу, дочь и зятя в пригородный поселок Конча-Заспа на правительственные дачи, оставив Любаше, под каким-то благовидным предлогом отвертевшейся от поездки, пятикомнатный полигон, весьма пригодный для любовных маневров.

Если честно, он тогда, в их первый с Любашей раз, просто не сдержался. Раньше всегда у Володьки случалось так, как было принято у большинства: обхаживания, ухаживания, упрашивания, уламывания (в лифчик поначалу залезть — и то великая победа для него и необычайная уступка от нее), а она все «нет» да «не нужно», а еще: «я не такая», — словом, все эти любовные игрища, раньше или позже все равно переходящие в прелюдию к сексу.

А тут... Она едва успела поставить принесенные им цветы в вазу, как он, поняв, что в квартире никого, кроме них, нет, из-за

случившегося довольно долгого воздержания неимоверно возбуждился, глядя на ее аппетитную округлую попку, и просто изнемогал от сильнейшего любовного желания. Его дружок в штанах напрягся и торчал колом, и Владимиру, чтоб не выдать себя, пришлось сесть в стоявшее тут же, в зале, старинное кресло. А когда Любаша оказалась в пределах досягаемости его длинных рук, он попросту сгреб ее в охапку, усадил к себе на колени и принялся жадно целовать в губы, в подбородок, в шею. А тем временем руки его ласково и страстно путешествовали по ее телу. И она не просто позволяла ему себя обцеловывать и голубить, она вытворяла языком у него во рту чудеса и подставлялась под его ладони теми участками тела, которые более всего просили его прикосновений. Он расстегнул блузку — лифчика под ней не было, а девушка сама выгнулась раз и второй, так, чтобы в его руке оказалась сначала одна, а потом вторая грудь. Они у нее были небольшими, нежными и невероятно чувствительными. От движений ее ягодиц он заводился больше и больше, его дубинка приобрела стальную упругость, и партнерша это явно почувствовала, движениями таза стимулируя его запал еще и еще.

А когда парень, окончательно теряя над собою контроль, полез ручищей под юбку и коснулся

шелка трусиков в самом желанном месте, Любаша вдруг соскользнула с его колен, расстегнула ремень и брюки, высвободила Володькиного дружка, несколько раз довольно сильно сжала в кулаке, а потом склонилась и принялась обхаживать его языком и губами.

Владимиру все время казалось: вот-вот случится извержение, но партнерша каким-то шестым чувством ощущая момент, ослабляла напор и казавшееся неизбежным отступало.

Сколько это длились, он не знал, обычно не подводившее чувство времени напрочь отсутствовало: то казалось, что все происходит очень долго, то — всего несколько мгновений. Он не был каким-нибудь дремучим консервативным истуканом в сексе, наоборот, считал себя человеком широких прогрессивных взглядов, видевшим даже фильм про глубокую глотку, но никогда ни с бывшей женой Томой, ни с другими партнершами, в большинстве своем тоже практиковавшими минет, ничего и близко похожего по силе и остроте ощущений не испытывал. Он гладил склонившуюся над боевым другом голову и порывивал от восторга.

Распалившаяся Любаша вдруг отстранилась, глянула на торчащий ракетой в стартовой позиции результат своих действий, поспешно сняла с себя трусики и, сев верхом на парня лицом к лицу,

направила его плоть в свое горячее, истекающее соком вожделения лоно. Она, вскрикивая и постанывая, гарцевала на нем; то сжимая мышцы малого таза и увеличивая плотность охвата его торпеды, то расслабляясь, умело вела любовный акт, и Владимир ощущал такую мужскую силу, наличия которой у себя даже и не подозревал.

Внезапно партнерша ускорила движения, вцепилась в его плечи и выдохнула:

— Давай!

Владимир стал активнее двигаться ей навстречу и, почувствовав, что не может сдерживаться больше ни мгновения, небывало обильно зафонтанировал прямо в Любашу, а от кончика через ствол прямо в крестец били волны нестерпимо сладкого удовольствия. Он не выдержал и зарычал от восторга, а Любаша, почувствовав его разрядку, сделала несколько еще более сильных движений, запульсировала лонем, нутряным животным голосом заохала, обмякла и повалилась мужчине на грудь. Володя понемножку стал приходить в себя, почувствовал, как расслабляется в ней, как вытекают на него их горячие липкие соки, а она лежала, закрыв глаза, и часто дышала, словно гончая, загнавшая дичь и теперь упавшая без сил.

Женщина быстро перевела дух, выпрямилась и, глядя Владимиру в глаза, изумленно выдохнула:

— Ну ты даешь... У меня такого еще никогда не было. Ни с кем.

— А много с кем у тебя было? — ревниво насторожился Володя.

— Да какая разница? — махнула рукой Любаша. — Ни с кем из них я не чувствовала себя настоящей женщиной, только сегодня впервые — с тобой, поэтому никто не имеет значения, отныне все — только тебе.

Уж на самом ли деле так было, или она сознательно льстила его мужскому самолюбию, теперь не узнать, но одно совершенно точно: никто ему раньше ничего подобного не говорил, да и ничего похожего ни с кем не случалось. Но в мозгу у Володи закрепилось, что он с Любашей (и для нее) — отменный любовник и, что интересно, эта модель ни разу впоследствии не дала сбоев.

С этой девушкой было так классно и в постели, и вне ее, что Владимир не на шутку увлекся. Влюбленность, страсть, серьезное настоящее чувство — ему недосуг было разбираться, что происходит в его душе, он хотел как можно больше бывать с ней и как можно чаще — в ней.

Он зачастил к Любе в гости, и генеральская семья приняла его в целом доброжелательно. Победоносный дед внуку любил и желал ей счастья. Дочке-то не повезло: и умница, и

красавица, а вот попалось ей это ничтожество, Лешка, зятек дорогой, одно название, что офицер — ни ума, ни характера, ни уважения к дисциплине. Понимание офицерской чести — на нуле. Думал, на генеральской дочке женился и все, Бога за бороду поймал, будет ему сладкая жизнь и легкая карьера. Да оно-то так, конечно, мужу дочери поддержка по службе была бы, будь он хоть сколько-нибудь путевый. И так помогли: и в академию чуть ли не сразу после училища всунули, и преподавать потом пристроили. Живи себе в Киеве в генеральской квартире, ходи на кафедру, излагай курсантикам основы военной науки. До подполковника не надрывая пупка дорастешь. А чуть-чуть напряжешься с диссертацией — тебе и с защитой помогут, и должность повыше подсуеят. Только Катеньку, дочку генеральскую, люби, лелей да делай счастливой.

Ан нет. Попивать стал Алексей Михайлович, на службу подшофе являться, а у пьяницы какая служба: одно взыскание, второе — чуть не выгнали из армии, пришлось тестю идти просить, унижаться. Добро, начальник училища — боевой генерал, вместе хоть и не воевали, но наслышаны были друг о друге еще на фронте...

Но этот хмырь не прекратил и дома стал скандалить. Жизнь у него, вишь, трудная: никто его не понимает ни на службе, ни в семье. А что тут

понимать: если бы ты в Забайкалье ляжку тянул по пояс в снегу, вдалеке от благ цивилизации, тогда да, конечно, трудная. А в столице Советской Украины водку жрать — чего уж легче?

Но когда пьяный майоришко в состоянии алкогольной истерики послал на три матерных буквы замполита факультета, дед встал на дыбы: не пойду, мол, более унижаться за этого негодяя, и Любашиного отца из армии таки вышибли. Дело политическое: даже зятья героев не могут посылать аж туда работников партполитаппарата. Алексей Михайлович попритих, но работать не пошел, а пенсии не имел по причине недостаточной выслуги. Если честно, он рассчитывал, что пройдет время, все уляжется и забудется, его восстановят и он как-нибудь дослужит недостающих четыре года. Но не тут-то было: при Союзе такие грехи без команды сверху не забывались, без тестевой поддержки восстановиться никак не получалось. А тот сказал, как обрезал: не стану!

Екатерина Андреевна, мать Любаши, сначала просила мужа: поди, дескать, устройся на завод, ты же все-таки радиоинженер, а потом рукой махнула: не хочешь работать — не работай, у меня зарплата приличная, с голоду не помрем, только не пей.

Вот в таком состоянии застал почтенное семейство увлеченный Любашей Володя. Лучше бы старому вояке было оказаться поговорчивей.

Потому что когда будущий чекист Владимир Мудрый подал с генеральской внучкой заявление в ЗАГС и доложил об этом своему куратору по комитетской стажировке, тому самому начальнику «первого отдела» родного предприятия, которого так боялся главный комсомолец Пеньтюк, тот уже на следующий день сказал:

— А вы не можете жениться на этой девушке, или же, если женитесь, не сможете работать в КГБ.

— Почему? — опешил Владимир.

— Из-за ее семьи, — пожал плечами куратор.

— У нее дед — герой войны, боевой генерал.

— Это так, — согласился собеседник. — А вот отец — злостный туняец. Таких членов семьи у наших сотрудников не бывает. Пусть он устроится на работу хоть сторожем, тогда — нет вопросов, а так...

Тех, кто нигде не работал, в СССР судили. Хотя генеральского зятя такая участь миновала, факт его безработицы ничего хорошего в будущем не сулил ни ему лично, ни избраннику его дочери, и будущий сотрудник спецслужбы решил поговорить с Любашиным отцом.

Алексей Михайлович внимательно выслушал претендента в зятя, кивнул головой в знак согласия, но устраиваться никуда не пошел.

— Володя, — сказал сыну полковник Мудрый, когда узнал о создавшейся проблеме, —

Комитет — это система со своим внутренним сводом правил, сильная именно неукоснительностью выполнения этих правил. То, что не укладывается в эти правила, система отторгает или уничтожает — смотря по ситуации. Это правильно, и я сам более тридцати лет укрепляю эту систему. Если семья твоей девушки не желает или не может соответствовать принятым в комитете нормам, то... — он не договорил, но очень выразительно посмотрел на сына. И так все ясно: либо-либо...

В общем, вопрос женитьбы на Любаше завис в воздухе, потом отложился до лучших времен, они забрали заявление, а вскоре Владимир уехал в Москву на учебу.

5

Председатель КГБ СССР в целом был доволен докладом начальника Управления кадров: верные люди, питомцы незабвенного Юрия Владимировича Андропова, успешно расставлялись на ключевые чекистские должности по всей необъятной стране. Да, Андропов... Это был выдающийся человек. Мало, до обидного мало отвела ему судьба времени руководить страной. Он бы не церемонился, порядок бы навел, научил бы народ Родину любить. Гайки бы затянул, пока окончательно не

распоясались. Это до чего же дошло: повадились в кино в рабочее время ходить, по магазинам бегать! Правильно тогда было сделано: прогульщиков стали отлавливать, а торгашей заставили режим работы магазинов изменить, чтобы трудовому люду было удобнее. Нынешний, Горбачев, верно сказал: нельзя поправить дела, ничего не меняя. Да только если порядка немедленно не навести и дисциплины не укрепить, то не то что дела не поправишь — все вообще полетит в скором времени в тартарары.

Главный кадровик самой мощной в мире спецслужбы терпеливо ждал: шеф задумался, а перебивать его мысли и в голову не приходило. У него вон какая махина на плечах и какая ответственность!

— Да, Гений Евгеньевич, а как решается украинский вопрос? — прервал, наконец, затянувшуюся паузу председатель.

— К сожалению, медленно, Виктор Михайлович.

— Почему? — брови главного чекиста страны от удивления поползли вверх. — Вы предложили полковнику Мудрому повышение?

— Так точно, — кивнул головой человек, называвшийся Гением.

— Вы ему дали понять, что, приняв областное управление в Днепропетровске, он на следующий же день станет генералом?

— Я ему об этом прямо сказал.

— А он? — продолжал допытываться главный.

— Попросил три дня на размышление и отказался, — доложил кадровик.

— А ты? — вытащил из специального стакана остро заточенный карандаш начальник и принялся вертеть его в руках. Это был знак, не предвещавший ничего хорошего. Об этом в комитете были в курсе все от высших генералов до уборщиц: если во время беседы шеф начал крутить в руках карандаш — может грянуть буря. Если же он при этом еще и «тыкал» подчиненным, примета становилась практически верной.

— Две проверки послал: гласную и негласную.

— И что?

— По большому счету — ничего. Этот Мудрый — спец высочайшего класса и служба у него поставлена как следует.

— Вот именно, высочайшего, — подтвердил председатель и опять погрузился в молчание. Только карандаш завертел еще сосредоточеннее.

Как и все кадровики, Гений знал, что существует несколько верных способов избавиться от нежелательного человека. Первый и самый простой — найти какие-нибудь огрехи в работе и, шантажируя увольнением по статье, принудить

написать заявление по собственному. Но со спецом экстра-класса и отменным работником, каковым был Мудрый, такое вряд ли пройдет, и белые нитки, которыми будут шиты ваши потуги, наверняка вылезут рано или поздно на всеобщее обозрение. Второй способ, самый верный, — перевести на другое место с повышением. Это тоже не сыграло. Оставался третий — с почетом отправить на пенсию. А полковник был явно нежелательной персоной, от которой следовало избавиться во что бы то ни стало.

Дело в том, что Николай Фомич Мудрый был начальником Девятой службы КГБ УССР, которая занималась охраной высших должностных лиц республики, в том числе — первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Украины Владимира Васильевича Щербицкого. А эта фигура имела невероятный вес в ЦК КПСС. Да и Михал Сергеич пока не забыл, кто сказал за него решающее слово в Политбюро, когда умер Черненко.

Личность такого масштаба, как украинский руководитель, не могла не интересовать комитет. Внедрять своего человека в руководство республики, подводя его к первому лицу, входить в доверие — это же целая спецоперация, длительная и с негарантированным результатом. А те люди, кто уже был в распоряжении верхушки КГБ в Киеве, на

роль приближенных к Щербицкому никак не подходили. Поэтому было признано целесообразным действовать через украинскую «девятку». Мудрый же, правильный служака, когда-то поставлен был именно для того, чтоб никто за охраняемым лицом не шпионил, а раз так, то никому этого не позволит, не говоря уже о том, что и сам, безусловно, не будет. И люди в его службе были подобраны тщательнейшим образом, проверены сотни раз, и не просматривалось сколько-нибудь реальной вероятности, что они пойдут на то, что теперь потребовалось Москве, против воли своего шефа. Тем более что еще с хрущевских времен органам госбезопасности строжайше запрещено брать в разработку партийных руководителей, равно как и осуществлять оперативно-розыскную деятельность в отношении партийных органов. Такие вещи если и делались, то всегда неофициально, без какой бы то ни было документации, и, разумеется, негласно. Поэтому полковник Мудрый Лубянку никоим образом не устраивал.

— Я, — решился разорвать наэлектризованную тишину корифей штатных расписаний и приказов по личному составу, — подумал, что нам ничего не остается, только отправить полковника Мудрого на пенсию. Я уже ему позвонил и сказал: «Николай Фомич, готовься

сдавать дела. В генералах ты бы еще мог лет десять — пятнадцать походить, а полковником и по выслуге, и по возрасту ты переслуживаешь, а на сегодняшней должности стать генералом не можешь — по штату не положено».

Председатель комитета с интересом слушал своего ретивого подчиненного. Тот излагал далее:

— А что? Дадим ему орден, какой-нибудь «Знак почета», грамоту от комитета, и со всеми причитающимися почестями — пинком под зад на заслуженный отдых. А то у нас — ускорение и демократизация. Все это должны осуществлять люди молодые, с новым, так сказать, мышлением, а не такие старые зубры, как Мудрый.

Виктору Михайловичу не очень нравилось неуважение к людям, имеющим заслуги перед комитетом, но деваться было некуда: интересы службы не могут стоять ниже интересов конкретного лица. Генерал хотел было озвучить эту мысль, но его опередил зуммер кремлевской вертушки.

— Алло, — ответил главный чекист страны.

— Добрый день, это Щербицкий, — заплескался в трубке характерный, богатый обертонами голос украинского руководителя. Такого — хочешь ли, нет ли, — выслушаешь, так уверенно он говорит. А кроме того, это непревзойденный мастер аппаратных игр и

незримой подковерной борьбы; с ним в ЦК предпочитают не связываться.

— Виктор Михайлович, у меня тут просьба, которая относится к твоей компетенции.

— Я слушаю, — напрягся тот.

— У меня тут начальником «девятки» служит полковник Мудрый. Я за ним, как за каменной стеной. Чувствую, знаешь ли, себя в полной безопасности. Как и все украинское руководство. Лично я ему безгранично доверяю. А он, понимаешь, пришел сегодня и заявляет: «Буду рапорт писать, на пенсию пойду». Я ему: «С какой это стати?» А он: «Надо дать дорогу молодым...» Что это такое он выдумал? Как член Политбюро говорю: я категорически против того, чтобы коммунист Мудрый шел на пенсию! В партии есть такое слово — «надо». Так вот, партии надо, чтобы он был возле меня, а мне нужен начальником охраны именно полковник Мудрый. И это не обсуждается! И плевать на его рапорты! Сколько буду работать я, столько будет и он!

Тут голос киевского собеседника стал мягче:

— Так у меня к тебе, Виктор Михайлович, большая просьба: со своей стороны намекни Николаю Фомичу, что его рапорта об отставке в Москве не ждут, а я тут в Киеве найду способ его отговорить.

Щербицкий — сам! — позвонил и не просто

дал понять, а дал понять очень красиво, чтобы Мудрого не трогали. Председателю пришлось твердо пообещать помочь.

Еще несколько минут бессодержательной болтовни типа приветов женам, и Киев дал отбой.

— Это был Щербицкий, — мрачно сообщил Гению шеф. — Говорит, Мудрый, дескать, в отставку просится, а я не отпускаю. Сколько, мол, мне суждено работать, столько будет и он. Да, первый раунд мы проиграли вчистую. Красиво нас этот старый хохол сделал...

— Который из двух? — поинтересовался кадровик.

— Какая разница? — махнул рукой председатель. — Похоже, они на пару... А что за семья у этого Мудрого?

— Да там не подкопаешься, все по нашей части: жена в первом отделе на оборонном заводе работает, дочка — в академии МВД учится, сын — в ВКШ имени Дзержинского¹ только что зачислен. Все проверенные-перепроверенные.

Что-то шевельнулось в душе председателя: это были явные свои, а по своим, говоря фигурально, стрелять... как-то не того... Но он решительно задавил в себе это чувство:

---

¹ Высшая Краснознаменная школа КГБ им. Дзержинского.

— Не может быть, чтобы ни один из членов семьи ни разу не дал слабины, не ошибся. Главное — зацепиться, повод веский найти, а потом... Ты подумай.

— Есть подумать, — встал начальник управления кадров. — Разрешите идти?

Когда он вышел, карандаш, который все время крутил в пальцах председатель, был сломан пополам и с ненавистью выброшен в урну.

А генерал КГБ Гений Евгениевич Авдеев тоже четко понимал ситуацию: хорош ли, плох ли полковник Мудрый, предан он или нет — никакого значения не имеет. Должно происходить все так, как они решают тут, на Лубянке, а какой ценой — его ничуть не трогало. Наоборот, с сегодняшнего дня устранение с должности начальника украинской «девятки» — вопрос принципа, теперь это нужно сделать во что бы то ни стало. Он шел по коридору и обдумывал, что предпринять в данном конкретном случае. Ничего в голову не лезло, кроме названия, кажется, неплохого: операция «Вышиванка».

6

На Киевском вокзале Москвы Владимира встретил плечистый, лет сорока, мужик в неброском костюме с незапоминающимся лицом:

— Вы Мудрый?

— Я.

— Следуйте за мной, — бесцветным голосом бросил невзрачный, повернулся и, не заботясь о том, последовал ли за ним кто-нибудь, твердым шагом направился прочь. «Идеальная физиономия для шпиона», — подумал Володя и, подхватив сумку, устремился за встречающим. Тот подошел к белой заурядной «копейке», стоявшей у вокзала, открыл багажник, подождал, пока приезжий загрузит свой багаж, знаком указал ему место возле водительского, на которое сел сам, вставил ключ в замок зажигания и мягко его повернул. Двигок отозвался еле слышным урчанием и едва ощутимой вибрацией, такими нехарактерными, что пассажир сразу сообразил: под капотом вовсе не вазовский мотор.

«Ясное дело», — подумал он, внутренне уже готовый ко всяким неожиданностям. Во-первых, он прекрасно понимал, что на автомобиле, принадлежащем спецслужбе, вполне может оказаться не серийный двигатель, а какой-нибудь форсированный, выполненный по спецзаказу или вообще импортный, что такая машина не должна бросаться в глаза, и белые «жигули» — как раз то, что нужно. Во-вторых, после работы с психологом он вообще решил ничему не удивляться. К тому кандидата в сотрудники КГБ направили после

недолгой стажировки в «первом отделе» родного предприятия. И спец сразу предупредил:

— Вы должны быть со мною предельно откровенны, без оглядки на нормы общепринятой морали и полученное в семье и школе воспитание.

Пока шли устные беседы, все было еще так-сяк, более или менее сносно. Но, проверяя первую же многостраничную анкету испытуемого, ученый взорвался:

— Знаешь что, голубчик, так не пойдет! Я тебе говорил или нет: максимальная искренность, открытость и даже исповедальность? А ты — врать? Ты ведь куришь? Ступай покури, подумай и попробуем еще раз. Но так и знай: снова не справишься — пойдешь на любимый завод служить инженером дальше!

Владимир выкурил две сигареты кряду, обдумывая ситуацию, но ничего лучшего, чем из всех сил держать себя в руках, не придумал. Он вернулся в кабинет, сел на свой стул напротив доктора и, глядя ему прямо в глаза, твердым голосом спросил:

— Так на чем я прокололся?

Собеседнику такое самообладание явно понравилось:

— Ну смотри. Тебе двадцать пять лет. Так?

— Так.

— За этот отрезок жизни ты уже должен был

попасть в ситуацию, когда тебе нанесли жесточайшую обиду, у тебя тряслись руки и тебе хотелось основательно подержаться ими за горло своего обидчика. Было?

«Было», — претендент на звание чекиста сразу вспомнил, как, только переехав из Черкасс в Киев, он пошел в новую школу, сразу же влюбился в Милку и стал оказывать ей знаки внимания. Об этом моментально узнал Ястреб — Славка Ястребов, парень постарше, вожак тамошней «конторы», как тогда называла молодежь устойчивые группировки уличных хулиганистых парней. Поскольку Ястреб и сам имел виды на эту девушку, медлить он не стал, явился к концу уроков под школу, дождался звонка, по описаниям корешей вычислил Володю и прицепился:

— Слышь ты, Вольдемар!

— Чего тебе, парень? — еще не представлял, с кем имеет дело, «Вольдемар».

— Ты, говорят, за Милкой стреляешь? — решил не разыгрывать традиционный сценарий под названием «Дай закурить» Ястреб.

— Ну и что? — почувствовал неладное новичок.

— А то, что отвали от нее! — жестко приказал хулиган.

— Она ведь пока что не твоя девушка? — просто-таки нарывался уже осведомленный об

отсутствии у Милки постоянного парня Владимир.

— Что ты хочешь этим сказать? — опешил Славка.

— А то, что кому отваливать, решать будет она, а не ты! — с неожиданной твердостью заявил младший.

Обученный в подпольной секции каратэ, Ястреб резко выбросил ногу, и каблук его модной туфли полетел новоиспеченному ухажеру прямо в лоб.

Кто из них был сильнее физически, вилами по воде писано, но драться Вовка тогда еще как следует не умел и шансов против лучшего в районе бойца у него не было никаких. Он сумел устоять на ногах и, ошеломленный ударом, затряс головой.

— Ты все понял? — грозно спросил Ястреб.

— Я непонятливый, — прозвучал неожиданный ответ.

Через минуту влюбленный «Вольдемар», что называется, умывался кровью, и победитель самоуверенно спросил:

— Так что, оставишь Милку в покое?

Ответ его обескуражил:

— Это ей решать.

Вот тогда, униженный своим бессилием, Володька действительно хотел задушить своего соперника голыми руками.

А психолог тем временем рассказывал свое:

— Если ты в такой ситуации был, чувство такое испытывал, а в анкете написал «нет», значит, ты пытаешься обманывать и, следовательно, нам не подходишь. Если же ты за двадцать пять лет ни разу не побывал в такой ситуации, то, значит, эту часть жизни прожил ненормально и снова-таки нам не подходишь. Я ясно излагаю?

— В целом, да.

— Попробуем еще раз?

— Попробуем, — согласился Владимир. Теперь-то он точно понял, что от него требуется. А психолог разошелся что устно, что письменно: такие вопросы, хоть стой, хоть падай. Но теперь поймать претендента ни разу не получилось, тот понял правила игры: да, самоудовлетворением занимался, да, подглядывал, да, случалось... А вот тут нет: сменить гражданство и в голову не приходило.

Отныне все пошло как по маслу, и мозгоправ дал заключение: годен.

Так что теперь, отодвинув седушку назад до упора и с грехом пополам поместив свое двухметровое тело в салоне незаметной малолитражки, Владимир с интересом рассматривал проплывающие за бортом здания малознакомой Москвы и не пытался завести разговор с неприметным сопровождающим, лишь один раз обратился к нему с вопросом, можно ли

закурить, и получил утвердительный кивок. Впрочем, то, что в салоне этого автомобиля часто курили, легко понималось по въевшемуся в обивку салона стойкому запаху.

Город между тем кончился, пошла какая-то лесопарковая зона, городские улочки сменило прорезавшее предместье прямое, как взлетная полоса, шоссе; человек с незапоминающимся лицом поддал газу, «Лада» побежала резвее, у водителя в глазах заиграли едва заметные искорки, и Володя понял, что, будь его воля, водила вдавил бы педаль до пола, выжимая из форсированного иноземного движка все, на что тот оказался бы способен. Куда ехали, Владимир, Москвы и ее окрестностей не знавший, не догадывался, пока не увидел дорожный указатель «Балашиха». Но в сам поселок они въезжать не стали, а повернули в лес и довольно долго петляли вместе с неширокой асфальтовой дорогой, которая пробиралась сквозь заросли прихотливо, будто своенравная речушка. Наконец выбрались к подобию цивилизации: справа однообразные бетонные коробки пятиэтажек военного городка, слева — длинный бетонный забор с колючей проволокой поверху. Серое однообразие ограды прервал затрапезный КПП: зеленые ворота с металлической красной звездой на каждой створке, небольшое — двери и окно — тщательно выбеленное строеньице, на крыльце

которого скучал караульный с «калашом» за спиной, в застиранном хэбэ и выдавшей виды, выгоревшей на солнце пилотке. На его черных петлицах красовались золотистые «пушки» — эмблема артиллерии. Возле контрольно-пропускного пункта виднелась одинокая лавочка, выкрашенная той же, что и ворота, казенной зеленой краской. К ней-то и подрулили привезшие киевского потомственного чекиста белые «жигули». Провожатый вышел, открыл багажник, не дожидаясь пассажира, выставил его объемистую сумку на асфальт проезжей части, жестом указал на скамейку:

— Ожидайте здесь, за вами придут.

Потом невзрачный сел в «жигуль», дал газу, аж покрышки запищали, и унесся в направлении столицы.

Володя поднес свою сумку к скамье, сел, закурил и стал ожидать. Сколько следовало ждать, он не знал. Вылинявший часовой скользнул по нему равнодушным взглядом.

Окурок полетел в урну, через некоторое время — второй и третий, а к будущему суперагенту КГБ Владимиру Мудрому никто не выходил. Поднялось и стало припекать солнце, пустой желудок недовольно бурчал, а мочевого пузырь все настойчивее напоминал, что проводница чуть ли не за час до прибытия закрыла туалеты, объявив:

«Санитарная зона», что провожатый тоже не озаботился этим вопросом, так стремительно шагая к своему рыдвану, что рослый Владимир еле поспевал за ним, а потом они час были в дороге и вот уже почти два часа он тут ждет у моря погоды.

А солнце разошлось не на шутку и жарило, словно ему за это доплачивали. Головного убора у Вовки не было. В середине восьмидесятых у молодежи как-то и не особо было принято носить летом что-то на голове: сомбреро остались в шестидесятых, белые полотняные кепочки — в семидесятых, а до массового пришествия бейсболок и бандан оставалось еще лет пять — десять... Но светило было наплевать на изыски модельеров и оно старалось от души. Часового вскоре сменил другой — не такой выгоревший и с танковыми петлицами.

Вскоре молодой человек почувствовал, что тело стало неприятно влажным, кожа, казалось, пропиталась потом... Тогда он извлек из кармана джинсов носовой платок, завязал его узлами по углам, как делали это пенсионеры на пляжах, и покрыл им голову. Откуда-то издалека донеслось натужное, с подвываниями, пение автобусного двигателя. «Пазик», — без труда определил Володя. Звук этого мотора он запомнил давно: комитету комсомола в гараже Киевского производственного объединения оптико-электронного машиностроения

выделяли чаще всего именно такой автобусик, и он как молодой активист поездил на нем немало.

Прекрасный музыкальный слух не подвел и на этот раз: действительно, с той стороны, куда три часа тому назад укатил «жигуль», показался оранжевый ПАЗ, порулил к воротам, и из него один за другим стали появляться спортивного вида парни примерно Володиного возраста. «Это их я должен был тут ждать», — понял парень, снял с головы платок и спрятал его в карман. На крыльце КПШ тут же показался майор с усталым, каким-то поношенным лицом и петлицами связиста. «Ага, меня тут мариновали три часа, потому что этих ждали», — догадался Владимир. Офицер не делал переключки, он обвел взглядом присутствующих, словно уже знал их всех до одного в лицо и лишь удостоверился, что все тут.

— Товарищи офицеры, — сказал майор. — Следуйте за мной в часть!

Ворота неспешно распахнулись, и новобранцы вступили на территорию. Первое, что бросилось им в глаза, — огромное количество антенн разного калибра, стандартные, белого кирпича, постройки казарм и штаба. Почти сразу же Владимир отметил: разноразной в эмблемах у командира и часовых не случаен: тут они у всех были разными. Для конспирации — сообразил он.

Створки бесшумно закрылись за их спиной;

новичкам было невдомек, что попали они в знаменитый ОУЦ — Отдельный учебный центр КГБ СССР, спрятанный под рядовым названием «войсковая часть № 53906», именно в то учебное заведение, где готовили бойцов знаменитой антитеррористической группы «Альфа». Именно тут происходили трехмесячные подготовительные курсы Высшей Краснознаменной школы КГБ СССР имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, это тут производили, жестко обкатывая новичков по программе подготовки бойцов этого подразделения, отсеивали и окончательный отбор курсантов.

Говорят, что в спецслужбах вход — рубль, выход — два. Парни, только что прошедшие за ворота со звездами, еще не знали, что свой рубль они вот-вот начнут платить.

7

В вас когда-нибудь стреляли из пистолета? Из настоящего, боевого? И не в условиях военных действий, а так, на занятиях? В Володьку стреляли. Это входило в программу боевой подготовки и называлось «рамка».

Когда с утра взводный офицер сообщил, что, мол, в последний раз проснулись вы, товарищи курсанты, необстрелянными, никто не придавал его словам особого значения: день ото дня программа

дарила им все новые и новые неприятности: одной больше — какая разница?

Напасти начались с самого начала, практически — с момента, когда они попали на территорию части: только что прибывших новичков провели мимо казенных строений казарм и канцелярий, потом — мимо всевозможных антенн, густо натканных во всех мыслимых и немыслимых местах, довели до металлических ангаров на полянке и сказали: «Располагайтесь». Их новые жилища напоминали перевернутые кверху днищами корабли. Владимир заглянул, — ничего особенного: двухэтажные кровати, как в казарме, — и тут же почувствовал, как нутро его новой обители дохнуло на него зноем раскаленной парилки. «Располагайтесь, располагайтесь», — поторопил встречавший их майор. Владимир прошел внутрь и выбрал себе койку — интуитивно — нижнюю. Как потом оказалось — правильно, на ней все-таки было не так жарко.

Новобранцев тут же переодели, выдав, невзирая на зной, так называемые «офицерские пеша» — галифе и гимнастерки, сшитые из теплой полушерстяной ткани. Сразу же началась нервотрепка: не успели пришить лейтенантские погоны и подворотнички — выходи строиться на собеседование. Да все бегом-бегом, да все поскорей и побыстрей, словно в строю не офицеры, а

какие-то салабоны.

Эти самые собеседования со всевозможными психологами и преподавателями иностранных языков длились два дня и проходили в крайне напряженной обстановке. С новичками не церемонились: разговаривали раздраженно, на повышенных тонах, отдавали команды, противоречащие одна другой, всячески трепали нервы. «Специально создают некомфортные условия, провоцируют на ошибку», — вспомнил киевского психолога новоявленный лейтенант КГБ и решил не поддаваться. Он не ошибся: нескольких, сорвавшихся на ответную грубость, на третий день утром он увидел шагающими с чемоданами в гражданской одежде по направлению к выходу.

Следующим сюрпризом оказался прием пищи: столовая радиотехнической части, где кормили курсантов, находилась в трех километрах от расположения, и, как оказалось, другого способа передвижения на кормежку и назад, кроме как бегом, для них предусмотрено не было. И если туда, на пустой желудок, это было еще терпимо, то назад...

...Легкие разрывались от горячего воздуха, каждый шаг давался через силу, сердце колотилось, казалось, где-то в глотке, а во рту стоял привкус борща, обильно сдобренного армейским комбижиром. Фу, ну и дрянь! А в столовке

подумалось — какая-никакая, а все же еда. Сапоги вдруг стали пудовыми. Но ноги как-то передвигались, хотя все время казалось: попадись на дороге какой-нибудь корень — обязательно зацепишься, грохнешься и растянешься в пыли во весь немалый рост, но пока обходилось, а как там в задних рядах — Владимир и знать не знал, сам-то — в первой шеренге правофланговым, а бежать приходилось, разумеется, строем. Неожиданно все время державший равнение слева через человека волгарь Петр Седых рванул из строя к обочине, изо всех сил зажимая ладонью рот. Его безудержно рвало обеденным борщом вперемешку с пшенной кашей с такими громкими гортанными звуками, что бывший всеобщий любимец киевских одноклассниц понял, что ему теперь тоже не сдержаться, и сошел с дороги.

Оказалось, что вывернуло уже почти всех, взвод растянулся по дороге метров на сто, просто Владимир, бежавший первым, этого не видел. Но взводного офицера, прыщавого старшего лейтенанта Тюрикова, как оказалось, это ничуть не обеспокоило, он заорал: «Отставить блевать, рохли, к месту расположения за мной бегом — марш! Три последних дряят сортир после отбоя!» — и рванул прочь с такой скоростью, будто там, у железных ангаров, первого прибежавшего ждал лично председатель комитета с орденом и приказом о